

В комнате разом стало так тихо, что можно было слышать биение сердца.

Что-то внутри Фу Гэ разорвалось.

— Нет... так нельзя...

Если вырезать железу — Ци Хань не выживет.

Лао Цин тоже замер. Он всю жизнь был охотником за железами, но впервые видел, чтобы кто-то предложил свою... добровольно. И ради кого? Ради ребёнка, который даже не был ему родным?

Спустя секунду он хрипло рассмеялся.

— Ха... Вот это поступок! Честно, Ци Хань, ты держишь марку. Уважаю! — Он обернулся к своим людям. — Железный нож и контейнер привезли?

— Всё с собой, Цин-ге.

Ещё бы не привезли. Они этим живут. Если слишком долго нет хорошего товара, приходится самим его добывать. Вырезать, закинуть в ледяную капсулу, продать как можно быстрее. Главное — успеть за месяц, пока железа не испортится.

Лао Цин развернулся обратно, хищно сощурился.

— Ну что, приступим?

Охранники вытащили инструменты, и хотя перед ними стоял человек, измазанный собственной кровью, почти сломленный, что-то в его взгляде всё ещё заставляло их нервничать.

— Раз сам великий Ци Хань так хочет, что ж, не будем мешкать, — усмехнулся Лао Цин, забирая нож и кивая двум своим людям. Те двинулись вперёд, собираясь его схватить.

Ци Хань отступил на шаг.

— Сначала отпусти ребёнка.

— Без проблем.

Он небрежно отпустил мальчишку, даже не глядя, уверенный, что всё под контролем. В тот же

миг охранники схватили Ци Ханя, а рядом с ребёнком вдруг не осталось никого.

Фу Гэ вздрогнул, сердце сорвалось вниз, рухнуло в пустоту. Он видел, как Ци Хань поднял руки, как повернулся, и в слабом свете лампы что-то мелькнуло у него на губах.

Лезвие.

Мальчишка едва заметно кивнул, отступил назад, пальцы сжались так сильно, что ногти впились в кожу. И в тот же миг Лао Цин опустил нож.

Лезвие скользнуло по коже.

Разрез был неглубокий, первый, предварительный. Красная линия побежала по шее, потекла по плечам, мгновенно пропитывая ткань.

Фу Гэ охватило ледяное оцепенение.

Ци Хань молчал, только вены на висках набухли, а лоб покрылся испариной. Он прикусил губу, не давая себе задрожать. И всё равно его взгляд оставался твёрдым.

Лао Цин продолжал работу — вырезать железу непросто, сначала нужно надрезать кожу по кругу, а потом под нужным углом выковырнуть её специальным инструментом.

Фу Гэ знал, как это делается. Он сам недавно прошёл через такое.

Лао Цин уже закончил надрез и поднял руку с железным ножом для последнего, решающего удара — и в этот момент Фу Гэ закричал:

— Отойди!

Ци Хань дёрнулся, вырвал шею из хватки, резко повернулся, а Фу Гэ тут же метнулся к нему, в одно движение перехватив лезвие из его руки.

Когда рука Лао Цина пошла вниз, Фу Гэ бросился вперёд.

Лезвие полоснуло.

— АААААААА!

Лао Цин взвыл, отшатнулся, схватился за порезанное запястье. Фу Гэ кинулся на него,

вцепился в челюсть, вдавливая пальцы в шею. Пальцы впились в кожу. Вены на запястье Лао Цина вздулись, он дёрнулся, пытался вырваться, но в следующий миг Фу Гэ с рваным криком полоснул ножом по его горлу.

Кровь брызнула, заливая всё вокруг.

Глаза Лао Цина закатились, тело дёрнулось, захрипело... и осело на пол.

Фу Гэ стоял, тяжело дыша, глядя на кровь, на то, как всё заканчивается.

— Защити мальчишку! — приказал Ци Хань, перехватывая оружие.

Выстрел.

Ещё один.

Двое охотников рухнули, даже не успев осознать, что произошло.

Фу Гэ вцепился в ребёнка, втащил его в угол, прижался к столу, переводя дух. Он больше ничего не мог сделать — его силы иссякли.

Теперь был черёд Ци Ханя.

3S-класс. Альфы такого уровня — бойцы от рождения. В древние времена они были охотниками, прирождёнными убийцами, их гены несли в себе вековую силу. Сейчас таких осталось единицы.

Без заложников, без цепей, без ограничений — Ци Хань был неудержим.

Всё закончилось быстро. Он разделался с последними так же просто, как если бы разрезал арбуз.

Остался только один, полуоблысевший, трясущийся от ужаса альфа.

Человек на полу судорожно отползал назад, его затравленные глаза бегали из стороны в сторону, а изо рта срывались утробные, рваные вопли, в которых было столько страха, что он пропитал даже воздух вокруг.

Ци Хань не торопясь нагнулся, поднял с пола монтировку, перехватил её поудобнее, медленно шагнул вперёд, прижал сапогом его дрожащую ногу, вдавливая в грязный пол, глухо спросил, не отрываясь от него ледяным взглядом:

— Это ты только что швырнул стул в спину моего любимого, да?

— Не я! Не я, клянусь, не я! Не убивай! Прошу! Если убьёшь, я даже с того света тебя не оставлю, слышишь?!

Он так и не успел договорить. Раздался влажный, оглушающий хруст, словно над самой землёй с треском лопнул тяжёлый перезревший плод, монтировка со свистом разрезала воздух, ударила с силой, а потом его череп лопнул, будто брошенный на асфальт арбуз.

Фу Гэ сжал зубы, отвёл взгляд, горло перехватило, но даже не мог сказать, от чего именно — от вони, от стелящегося по полу липкого ужаса, от осознания, что крови на их руках уже так много, что смыть её не получится никогда, или от понимания, что Ци Хань сделал всё это ради него, ради них, и обратного пути просто не осталось.

Он крепче прижал к себе ребенка, медленно похлопал его по спине, пытаясь хоть немного успокоить, и сипло бросил:

— Уходим. Сейчас же.

Они шагнули вперёд, но внезапно внизу что-то громко загрохотало, издали донеслись быстрые, гулкие шаги, кто-то торопливо поднимался вверх по лестнице, и в следующий миг шум охватил всё пространство вокруг.

Фу Гэ замер.

Ци Хань тоже.

Всё было кончено, их силы иссякли, не осталось ни оружия, ни шанса на сопротивление, ни даже последнего отчаянного рывка, который хотя бы дал им призрачную надежду выбраться отсюда живыми.

Ци Хань тихо выдохнул, привалился спиной к стене, провёл языком по пересохшим губам, тяжело, рвано дыша, сквозь слипшиеся от крови ресницы смотрел на силуэт Фу Гэ, который в нескольких шагах от него всё ещё стоял, держа ребёнка, и вдруг понял, что всё, что он мог сделать, он уже сделал, а дальше оставалось только одно.

Он усмехнулся, глухо, безжизненно, будто сам не верил, что действительно произносит эти слова.

— Ге... Уходите. Я не дотяну.

Голос его прозвучал хрипло, но в этой фразе было что-то неотвратимое, что-то, что обрушилось

на Фу Гэ, как смертный приговор, сердце сорвалось вниз, он разом похолодел, но ничего не успел сказать, потому что через секунду альфа рухнул, как рухнула бы скала, подточенная тысячелетним ветром, сотрясая землю тяжестью своего тела.

Он больше не мог идти вперёд.

Фу Гэ смотрел на него, смотрел на то, как он неподвижно лежит в луже собственной крови, смотрел, как всего в нескольких шагах от них лежит долгожданное спасение, но Ци Хань уже не мог к нему дотянуться.

Ци Хань усмехнулся, уголки его губ дрогнули, но улыбка вышла кривой, полной крови, он выдохнул, глухо, почти шепотом:

— Идите... Я ещё смогу их задержать...

— А Хань...

Фу Гэ вздрогнул, он смотрел то на того, кто лежал на полу, того, кого он любил, кто ради него истекал кровью, то на ребёнка в своих руках, который безмолвно доверял ему всю свою жизнь, и понимал, что стоит у края обрыва, где любое решение — это жертва, выбор между жизнью и смертью, в котором невозможно спасти всех.

Он закрыл глаза, выдохнул, и губы его шевельнулись:

— Прости...

Рука, застывшая в воздухе, медленно опустилась вниз, и Ци Хань понял, какой выбор он сделал.

— Ничего... — он закрыл глаза, безразлично раскинув руки, будто так уже было тысячу раз, будто это не в первый раз, когда его оставляют.

— Беги, брат, вниз по лестнице, там, за зданием, найдёшь машину, я смогу задержать их минут на две, а дальше ты сам...

Чего он никак не ожидал, так это мягкого, почти невесомого прикосновения к своим губам.

Он резко открыл глаза.

Фу Гэ опустился на колени, склонился к нему, его дыхание касалось его кожи, губы слегка дрожали, но всё ещё оставались тёплыми, а в глазах было что-то пронзительное, обжигающее,

то, от чего всё в этом мире замерло.

— А Хань... Я больше не оставлю тебя.

Мир остановился.

Ци Хань не мог пошевелиться, он смотрел на него, смотрел, не веря, не понимая, пока его собственные слёзы не сорвались вниз, горячими дорожками стекая по залитому кровью лицу.

Но в следующий миг он вдруг замер, взгляд его метнулся в сторону, к ребёнку, который сжимался в объятиях Фу Гэ, и улыбка тут же застыла на его губах.

— А что с ним?.. Сяо Цзюэ... Он ведь ещё маленький... Ему всего пять лет...

Фу Гэ крепче обнял ребёнка, слёзы сорвались с его ресниц, потекли вниз, он закрывал его лицо поцелуями, будто пытаясь этим согреть, уберечь, но от этого только сильнее дрожал, шептал хрипло, едва слышно:

— Это я виноват... Он доверился мне, его мать отдала его мне, а я... не смог его защитить...

Он не был Ци Ханем, он не мог в одиночку сражаться с целой армией, с того момента, как его швырнули об стену, он уже сбился со счёта, сколько раз его били, если бы не Ци Хань, он бы давно уже не выдержал.

Тем более, судя по шагам, внизу было не меньше десяти человек, и даже если бы у него выросли крылья, он всё равно не смог бы унести ребёнка и спасти их обоих за какие-то две минуты.

Дети чувствуют такие вещи инстинктивно, они всегда чувствуют, когда надвигается что-то страшное, когда родители вдруг оказываются бессильны, когда в мире больше не остаётся ни единого безопасного места, и в этот миг мальчишка вдруг протянул руку, мягкими, ещё такими крошечными пальчиками коснулся лица Фу Гэ, прижался к нему и тихонько, почти шёпотом, сказал:

— Не надо „прости“... Сяо Цзюэ и папа... вместе...

Фу Гэ судорожно втянул воздух, но уже не смог сдержаться — слёзы вырвались наружу, горячие, неостановимые, он прижал мальчишку к себе, крепко, так крепко, как будто больше никогда не хотел отпускать.

Ци Хань поднялся, пошатнулся, но всё же сумел устоять на коленях, раскинул руки, заключая их обоих в крепкие, широкие объятия — это была последняя защита, последнее, что отделяло

их от смерти, последнее, что ещё могло их спасти.

Фу Гэ облизнул пересохшие губы, с трудом сдерживая дрожь в голосе, и вдруг сказал, глядя на сына:

— Малыш, это тоже твой папа. Назови его так, хорошо?

Ци Хань замер.

— Ге... Не надо... — его голос был хриплым, полным чего-то неуловимо болезненного. — Не вынуждай его...

Мальчишка тоже сжался, спрятал голову в груди Фу Гэ, тихо пробормотал:

— Он не папа...

— Но ведь он нас защищал, малыш, он пролил так много крови ради нас, и это страшно, правда? Это больно, но он сделал это, потому что любит нас.

Фу Гэ провёл ладонью по щеке ребёнка, нежно, бережно, с таким мягким, глубоким теплом в глазах, что даже в этот момент, полном боли и страха, это тепло не угасало.

— Это я виноват, малыш... Это я не сумел тебя защитить. Но если мы переживём эту ночь, у тебя будет два папы, которые всегда будут с тобой. А если вдруг не получится...

Он сглотнул,

— Если вдруг нас не станет... малыш, не отпускай папину руку. Никогда. Не теряй нас, не теряйся сам, хорошо?

Он схватил руки Ци Ханя и мальчика, силой соединил их, переплетая пальцы, крепко, как будто этим мог привязать их друг к другу навсегда.

Если сейчас действительно их последний час, если это и есть конец, он не хотел, чтобы Ци Хань уходил из этого мира так же, как жил в нём — один.

Но ребёнок всё так же низко опускал голову, а в его крошечном теле читался немой, почти отчаянный протест.

Ци Хань знал, что мальчишка его боялся. Он чувствовал это в каждом отдёргнутом взгляде, в каждом нерешительном движении, в том, как маленькие пальцы дрожали, прежде чем

касаться его. Поэтому он молча отвёл руку, отдернул её сам, чтобы не заставлять его терпеть это насильно.

Но в следующий миг что-то тёплое, мягкое, неожиданное, тёплым комочком ударило его в грудь, и он не успел даже моргнуть, как ребёнок вдруг прижался к нему, обхватил его лицо пухлыми ладошками и смачно чмокнул прямо в щёку.

— Хань-папа!

Ребёнок говорил по-китайски не слишком уверенно, но услышал, как Фу Гэ называл его «А Хань», и просто повторил за ним по-своему.

Альфа остолбенел.

— Скажи ещё раз... пожалуйста.

— Ты папа А Цзюэ... Мы семья.

Ци Хань резко втянул воздух, грудь сдавило, горло перехватило, что-то болезненно дёрнулось внутри, а потом вдруг разверзлось в нём, как плотина, и хлынуло наружу.

Он засмеялся.

— Неужели... теперь у меня тоже есть семья?..

Дверь на второй этаж с протяжным скрипом приоткрылась, торопливые шаги становились всё ближе, а мерные удары каблуков о деревянный пол звучали, как отсчёт до неизбежного.

Фу Гэ крепко прижимал к себе сына, Ци Хань обнимал их обоих, три тела сплелись воедино, стиснутые страхом и безмолвным отчаянием.

А затем сзади раздался глухой удар - дверь с треском слетела с петель, и в тот же миг Ци Хань, напрягаясь до последнего, с силой сжал их в объятиях, словно мог своим телом закрыть их от пули.

Но через пару секунд чей-то голос неуверенно пробормотал:

— ...Сяо Гэ?

Трое как по команде дёрнулись, резко повернув головы. В дверном проёме, сжимая пистолет, в полной растерянности стоял Ци Чуань.

— Ну... хочешь, помогу встать?

Острие страха, застывшее в горле, внезапно растворилось. Эта безумная, оглушительная ночь наконец-то кончилась.

Маленький Дзюэ, завопив, как будто увидел живого супергероя, сорвался с места и кинулся к «дяде». Фу Гэ, тяжело дыша, опёрся о пол, собираясь встать, но в тот же миг его резко дёрнули назад.

— Эй—!

Он не успел выдохнуть, как рухнул прямо в объятия Ци Ханя.

— Он успокаивает ребёнка, — невозмутимо пояснил тот. — А ты успокаиваешь меня.

И прежде чем Фу Гэ хоть как-то среагировал, его жадно, не спрашивая, поцеловали.

На пороге замерли телохранители. В воздухе повисло напряжение, кто-то шумно сглотнул.

— Эм... господин Ци, — тихо спросил один из них, шестой в ранге, нервно переступая с ноги на ногу. — Мы ведь брали с собой стволы, чтобы разделаться с Ци Ханем... Так... э-э... всё ещё стреляем или как?

— Ты тупой? Они уже целуются, какое, нахрен, «стреляем»?

— Очевидно, что это насилие! Посмотрите на молодого господина Фу — ну видно же, что его заставили!

Но как только он закончил свою тираду, «заставленный» господин Фу вдруг резко оттолкнул Ци Ханя...

Шестой тут же выхватил пистолет.

— Ну вот! Говорил же, что его вынудили!

Но не успел он даже прицелиться, как Фу Гэ коротким движением прижал Ци Ханя к полу... и сам впился в его губы.

Шестой застыл.

Пистолет медленно развернулся в воздухе... и обратно спрятался в кобуру.

Трупы выволокли в рекордные сроки, ребенка забрали, дверь плотно закрыли за собой. В этот момент губы Фу Гэ уже были искусаны до крови – жалкая, припухшая, трепещущая губка алела на фоне бледной кожи, точно разбитая ягода.

Но Альфа кусал именно там. Упрямо, настойчиво, с осознанной дерзостью, как пёс, что помечает территорию, выбирая для этого самое заметное место. Он нарочно впился в него прямо на глазах у Ци Чуаня.

— М-м... Порвалась... — голос Фу Гэ дрожал, влажные губы блестели, словно только что омытые вином.

И тут Ци Хань, который с огромным усилием оторвался было от него, вновь не удержался — пальцы прижали подбородок, заставляя открыть рот, и он снова накрыл его губами.

— Терпи.

Холодное приказание прозвучало, прежде чем его язык хищно проник внутрь, сметая всё на своём пути. Он целовал так, будто пытался выжечь себя в нём, оставить отпечаток в каждом изгибе, заполучить этого бета без остатка. Фу Гэ, расположившись сверху, был особенно удобен для поцелуя — альфа скользнул глубже, пробрался дальше, сметая преграды, погружаясь в это ласковое, горячее, отзывчивое нутро. Влажные звуки сплетённых губ и переплетённых дыханий заполнили пространство.

Насколько же лучше этот поцелуй, чем тот, показной, которым Фу Гэ пытался обмануть и себя, и его. Теперь — ни фальши, ни лжи.

Они не могли остановиться, жадные, захлёбывающиеся друг другом. Когда поцелуй, наконец, оборвался, их дыхание слилось в единое хриплое эхо.

Фу Гэ лежал на нём, ощущая, как под кожей Ци Ханя клубится неумное бешенство, готовое растерзать его. Нервный импульс прошёл по телу, заставляя податься назад, но железная хватка сомкнулась на талии.

— Не уходи!

— Я не... ммф! — попытка возразить утонула в новом, резком поцелуе, с которым его смели с ног.

Фу Гэ не успел даже понять, как оказался на полу. Всё случилось слишком быстро — тяжёлое тело навалилось сверху, руки заломили, вдавливая в холодную поверхность.

Ци Хань не дал ему ни единого шанса выскользнуть.

Пять лет.

Он снова позволил этому человеку делать с собой всё, что тот захочет.

Боль и сладость, вперемешку, без остатка. Фу Гэ сам подался вперёд, ловя губами его шею, прижимаясь к дорожке от ключиц к подбородку. Он целовал его, снова и снова, короткими, мягкими, нежными прикосновениями, как маленький дятел, что с любопытством клюёт кору.

Он даже не дрогнул, когда зубы врезались в его плечо, когда сильные руки сжимали его так, что кожа наверняка останется в синяках. Он только дышал глубже, позволяя этому касанию расплзаться по телу, проникая под кожу.

Лишь когда пальцы скользнули ниже, когда его тело вдруг слишком остро почувствовало приближающуюся грань, Фу Гэ резко выгнулся, инстинктивно пытаясь уйти.

— Нет... не... — голос сорвался, и он отчаянно вскинул руки, цепляясь за его плечи.

Но Ци Хань не собирался отступать.

Открыть рот было уже поздно — предательская реакция выдала всё, оставляя его без защиты.

— Так мокро?.. — голос Ци Ханя дрожал.

Фу Гэ вспыхнул, в смущении сжал ноги, свернувшись на боку, как маленькая креветка. Голос, приглушённый собственной стыдливостью, прозвучал почти сердито:

— Игнорируй. Так всегда, когда больно.

Ци Хань замер.

— Это... от раны? Или... от меня?..

— От тебя. — Фу Гэ не дал ему даже договорить. — Это боль, которую ты мне даёшь.

Задыхаться. Наливаться слабостью. Чувствовать, как жжёт внутри. Впитывать в себя это сладкое примирение и щемящее счастье оттого, что всё ещё жив.

Его тело всегда реагировало так, как ему вздумается, и от слишком многих чувств сразу у него

просто не было шансов.

Но он не ожидал, что эти простые слова заставят Ци Ханя задохнуться от рыдания.

— Впервые... — тот выдохнул, охрипший, сломленный, будто выдавливал из себя не слова, а кровь.

Фу Гэ посмотрел на него:

— Что впервые?

— За шесть месяцев... — Голос дрожал. — Я целовал тебя, я держал тебя в руках снова и снова... но это первый раз, когда ты отозвался.

Желание нельзя подделать. В прошлые разы его тошнило от одного их соприкосновения, теперь же достаточно было только сильнее прикусить губу, чтобы ткань на бёдрах намочила.

— Сяо Гэ... — Он прижал его к себе, бережно, как если бы Фу Гэ был всем его миром.

— Я так счастлив. У меня сейчас просто разорвётся сердце. Я схожу с ума. Но я боюсь.

Голос предательски дрогнул.

— Ты... правда меня простил?

Молчание.

— Если нет... я подожду. Я буду ждать столько, сколько потребуется... Только, пожалуйста, не дразни меня, не делай так, чтобы я взлетел в рай, а потом сбросил меня вниз. Не играй со мной, малыш, мне больше не вынести.

Он столько раз проходил через этот цикл: сладкая надежда, ослепляющая радость, счастье, плещущееся в глазах, а потом — раз за разом — резкое падение в бездну.

От боли он уже разучился верить в сладкое.

Фу Гэ стиснул зубы, с трудом проглотив пронзительный ком в горле.

Он осторожно поднял руку и, скользнув пальцами по щеке Ци Ханя, тихо позвал:

— А-Хань...

— Сяо Гэ! — Ци Чуань постучал в дверь. — Вы там закончили? Нам надо уходить, шум слишком большой.

Только тут они осознали, в каком положении находятся, и Фу Гэ, покраснев, пробормотал:

— Эм... Дома поговорим.

Но до разговора дело так и не дошло.

Потому что, как только они добрались до безопасного места, Ци Хань рухнул без сознания.

Он был слишком тяжело ранен. В ту ночь его держало только одно упрямство, одна жгучая воля остаться в этом мире. Но как только напряжение ушло, жизнь вытекла из него наполовину.

Семь часов в операционной.

Реанимация.

Пять дней в коме.

Когда он, наконец, открыл глаза, палата была пуста.

Он лежал на больничной койке, а рядом на подушке, точно случайно оброненная, покоилась утренняя роза сорта «Джульетта» с влажными лепестками. Рядом с ней — стеклянная печать в форме крошечного медвежонка.

Вошла медсестра, сменяя капельницу. Увидев его открытые глаза, обрадовалась:

— О, вы очнулись!

Ци Хань медленно сел, взгляд тут же метнулся по сторонам.

— Где мой... любимый?

— Он только что вышел, — улыбнулась девушка. — Прогуливается с малышом во дворе.

Она бросила взгляд на цветок и, мечтательно вздохнув, добавила:

— Господин Фу такой романтичный. Утром я видела, как он целовал вас, пока вы спали.

— Правда? — губы Ци Ханя тут же расплзлись в улыбке. Он не удержался, коснулся кончиками пальцев своего лба.

— Ой, нет, не трогайте! Сейчас, вот, смотрите!

Она протянула ему зеркало.

Ци Хань взял его, глянул... и опешил.

На его лбу красовалась пухлая мордашка Винни-Пуха.

Медвежонок крепко обнимал цветок, и выглядел так нелепо-умилительно, что у Ци Ханя дёрнулся глаз.

— Господин Фу сказал: если вы проснётесь сегодня, это будет вам награда.

Тепло, пронзительно, сладко закололо под рёбрами.

Как только медсестра вышла, достал телефон и, совсем уж идиотски ухмыляясь, сделал несколько селфи.

И как раз в этот момент в палату вошёл Фу Гэ.

— Очнулся?

Ци Хань тут же вспыхнул, как лампочка. Если бы у него был хвост, он бы уже отчаянно вилял.

— Гэ! Иди сюда, садись ко мне!

Фу Гэ покосился на телефон в его руках и, криво усмехнувшись, сел на стул рядом.

Ци Хань не сводил с него сияющих глаз.

— Тебе нравится этот штамп?

— Конечно, нравится. Ты мне хоть черепаху на лбу нарисуй — я всё равно буду счастлив.

Фу Гэ улыбнулся, но глаз так и не поднял.

Его взгляд был пустым, без фокуса, но губы выгнулись в две плавные дуги — лёгкая, почти невесомая улыбка. Он просто смотрел на этот нелепый штамп, прямо, пристально, не двигаясь и не произнося ни слова.

Ци Хань почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Гэ?..

И в этот момент Фу Гэ протянул руку, чтобы стереть с его лба медвежонка.

Ци Хань запаниковал:

— Не трогай!

Рывком отстранившись, он прикрыл лоб ладонью, пряча рисунок, как будто от этого зависела его жизнь.

— Это моё. Это ты дал мне. Это награда. Я очнулся, значит, нельзя стирать...

Но Фу Гэ не слушал.

С силой, без колебаний, он стёр медвежонка со лба, будто сдирал что-то липкое, грязное, ненужное.

Ци Хань застыл.

В голове будто гремел гулкий, оглушительный звон. Горячая, слабая, обессиленная кожа враз похолодела, а сердце скрутилось в острую судорогу.

Он задрожал.

— Гэ... что с тобой?

— А как ты думаешь?!

Голос Фу Гэ вспыхнул яростью.

В следующее мгновение он схватил со стола розу, швырнул её на пол и со всей силы раздавил подошвой, превращая лепестки в месиво.

Ци Хань дёрнулся вперёд, но не успел — стеклянный медвежонок уже выскользнул из его пальцев, попав в жёсткую хватку Фу Гэ.

— Нет... — хрипло выдохнул он, зрачки расширились, взгляд затуманился. — Нет, не надо...

Он выглядел так, будто сердце у него только что вырвали из груди.

— Это ты сделал для меня... Мы помирились, ведь так?.. Ты сказал, что прости меня... Ты сам... сам это сказал...

Фу Гэ посмотрел на него долгим, пристальным взглядом — и вдруг усмехнулся.

Глухо, презрительно, жестоко.

— Простил?

Его голос был холоден, как битое стекло.

— Ты вообще заслуживаешь прощения?

А потом, с тяжёлым размахом, он взметнул руку вверх и, не колеблясь ни секунды, швырнул печать на пол.

Стекло взорвалось брызгами о кафель.

Со звонким «пах!» стекло разлетелось о кафель, осыпая пол крошечными осколками.

Ци Хань рванулся вперёд, выкрикнув что-то бессвязное, но едва спустил ноги с кровати, как те отказались его держать.

Но в тот же миг всё исчезло.

Розы, размазанные по полу, — нет их.

Стеклянный медвежонок, хрустнувший под тяжестью удара, — тоже нет.

А самое страшное — исчез сам Фу Гэ.

Нет злости в его взгляде, нет презрительного хохота, нет горького, жгучего гнева, расползающегося по воздуху.

Вместо этого, у двери, сотрясаясь в судорожных всхлипах, стоял маленький, беззащитный Фу Гэ.

Он не швырял вещи, не топтал цветы, не кидался словами, острее ножей. Он стоял, закрыв рот дрожащими пальцами, и по его щекам катились слёзы — крупные, обжигающе горячие, как раскалённое стекло.

Его глаза, покрасневшие, влажные, наполненные до краёв безысходностью, смотрели на него так, будто он был самым больным местом в этой Вселенной.

Ци Хань замер.

Дыхание сдавило, но он заставил себя двинуться, неуклюже, с трудом, поднялся и подошёл к нему, протянув руку.

Но так и не коснулся.

Пальцы зависли в воздухе, в миллиметре от его щеки, не смея стронуться дальше.

— Ты... настоящий?

Он говорил это почти беззвучно.

Как человек, который боится, что ответ его убьёт.

Фу Гэ содрогнулся, а потом — сломался. Слёзы потекли ещё сильнее, дыхание сбилось в горловых всхлипах, и он, как будто обессиленный, рухнул на колени, зажимая рот руками, чтобы не закричать.

— А-Хань...

<http://bllate.org/book/14453/1278354>